

Софья Резниченко

Последняя в роду

<https://litres.ru/73856704>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если мир, который вы знаете, скрывает больше, чем кажется? За гранью обыденности дремлют древние силы и незавершенные пророчества, ждущие своего часа. Когда над миром нависает угроза, казалось бы, из другой эпохи, группе отважных душ предстоит отправиться в путь, полный опасностей и неожиданных открытий. Они ищут не только способ спасти свой дом, но и ответы на вопросы, касающиеся их собственного предназначения. Эта книга — увлекательная сага о дружбе, самопожертвовании и борьбе за истину, где магия тесно переплетается с реальностью, а каждый шаг приближает героев к разгадке великой тайны.

Содержание

Глава 1: Сестра	4
Глава 2: Букет	19
Глава 3: “Он”	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Софья Резниченко

Последняя в роду

Глава 1: Сестра

Лондон, осень 1789 года. Город дышал влажным, промозглым воздухом, в котором смешались запахи угля, конского навоза, сырой земли и далёких, заморских пряностей. Над мощёными улицами висела вечная дымка, а извилистые переулки, словно вены, пронизывали старинные кварталы, скрывая в своих тёмных объятиях бесчисленные тайны.

В одном из таких переулков, в тени величественных домов и на расстоянии крика от шумного Ковент-Гардена, располагался небольшой, но опрятный дом, принадлежавший Анастасии Зиновьевой. Дом был скромным, без излишеств, но внутри царил порядок, говоривший о рациональном уме его обитательницы. В гостиной чьи окна выходили на кирпичную стену соседнего здания, горел камин, отбрасывая на стены игривые тени. Единственным источником света, помимо огня, служила керосиновая лампа на письменном столе, за которым сидела Анастасия. Её кудрявые светлые волосы, цвета спелой пшеницы, были небрежно собраны в пучок на затылке, а несколько непослушных прядей выбились, об-

рамляя высокий лоб. Серые глаза, острые и внимательные, были прикованы к развёрнутой на столе газете, где в мелком шрифте прятались объявления о пропавших без вести, мелких кражах и городских происшествиях.

Анастасия, которой едва исполнился двадцать один год, была необычной женщиной для своего времени. Урождённая русская, она с детства впитала в себя не только строгость пансиона, где её с младшей сестрой Натальей воспитывали после трагической гибели родителей, но и неуёмную жажду познания, стремление к разгадкам. В то время как Наталья с упоением занималась музыкой и танцами, Анастасия просиживала часы в библиотеке, проглатывая исторические трактаты, юридические кодексы и, что особенно увлекало её, детективные повести, появившиеся в последние годы на книжном рынке. Эта любовь к логике и дедукции, помноженная на бесстрашный характер и необычайную наблюдательность, привела её к странному, по меркам общества, занятию: она стала частным детективом. Конечно, это не было официально признанной профессией для дамы, но её острый ум и проникательность уже принесли ей несколько успешных расследований, пусть пока и мелких.

Вечер обещал быть спокойным. Анастасия погрузилась в чтение очередной заметки о пропаже фамильных драгоценностей у некой леди Бэнкрофт, когда резкий, отрывистый стук в дверь заставил её вздрогнуть. Она подняла голову, нахмурившись. Поздний час. И такой нетерпеливый стук

мог принадлежать лишь её сестре, Наталье. Никто другой не осмелился бы так стучать в её дверь.

Стук повторился, настойчивее. Анастасия, отложив газету, поднялась. Чувство беспокойства кольнуло её в груди. Наталья обычно писала или предупреждала о визите. Она была пунктуальной и вежливой, в отличие от своей старшей сестры, которая не слишком заботилась о светских приличиях.

Анастасия распахнула дверь. На пороге стояла Наталья.

Вид сестры мгновенно подтвердил предчувствия Анастасии. Наталья, которой завтра исполнялось семнадцать, была воплощением грации и красоты. Её волнистые каштановые волосы, обычно собранные в изящную причёску, сейчас были распущены и беспорядочно рассыпались по плечам, некоторые пряди были влажными от осеннего лондонского тумана. Голубые глаза, обычно сияющие живым огнём и задором, были расширены от чего-то, похожего на страх, и немного покраснели, словно она долго плакала или недосыпала. Тонкий, но очень элегантный плащ из тёмного бархата, обычно скрывавший её сценические наряды, был небрежно накинут, а под ним виднелось одно из её концертных платьев – шёлк цвета полночного неба, расшитый серебряными нитями, имитирующими звёздное небо. Платье было явно помято и местами испачкано, что было совершенно нехарактерно для всегда опрятной Натальи, для которой её внешний вид был частью её сценического образа.

— Наталья? Что то случилось? — спросила Анастасия, её голос звучал строго, но в нём слышалась скрытая тревога. Она отступила, пропуская сестру внутрь.

Наталья вошла, словно призрак, её движения были неуверенными, почти напуганными. Она молча прошла в гостиную, небрежно бросив плащ на ближайший стул, и встала перед камином, пытаясь согреться, хотя её дрожь не имела отношения к холоду.

— Ничего, — ответила Наталья, её голос был непривычно тихим и прерывистым. — Я просто... захотела тебя навестить.

Анастасия скрестила руки на груди, её серые глаза изучали сестру. Её аналитический ум мгновенно отметил: дрожь в руках, подрагивающие губы, неспособность встретиться взглядом, измятое платье, красные глаза. "Ничего" – это была явная ложь. Наталья была до смерти напугана.

— Наталья, не лги мне. Ты дрожишь, твоё платье испачкано, и ты выглядишь так, словно видела привидение. Что произошло? Ты возвращалась с репетиции?

Наталья покачала головой, теребя подол своего шёлкового платья.

— Нет. Сегодня у театра выходной. Я... я просто прогуливалась. Решила зайти к тебе.

"Прогуливалась ночью в концертном платье, в полном тумане, и выглядишь при этом как загнанная лань?" — подумала Анастасия. — "Очень правдоподобно."

— Наталья, — в голосе Анастасии появились стальные нотки, которые всегда появлялись, когда она чувствовала, что её обманывают. — Ты знаешь, что можешь мне доверять. Расскажи мне, что тебя тревожит.

Наталья наконец-то подняла на неё свои синие глаза. В них мелькнула мольба, отчаяние, но тут же сменилась чем-то, похожим на решимость.

— Я не могу, Анастасия. Правда. Я не могу тебе рассказать. Это... это слишком опасно. Для тебя.

Анастасия почувствовала, как внутри неё поднимается волна раздражения. Эта таинственность, это отказ от помощи – это было так похоже на Наталью, на её склонность к драматизму, на её желание защитить старшую сестру, но совершенно непрактично и опасно.

— Опасно? Что может быть настолько опасным, чтобы ты не могла поделиться этим со мной? Мы прошли через ад, Наталья. Нас разлучили с родителями, бросили в чужой стране. Мы всегда были вместе.

— Именно поэтому! — почти воскликнула Наталья, а затем, словно испугавшись собственного голоса, снова понизила его до шёпота. — Именно поэтому я не могу вовлекать тебя в это. Тебе уже достаточно пришлось пережить. Я... я справлюсь сама.

"Справишься сама? Ты еле стоишь на ногах!" — Анастасия сделала шаг к сестре, её серые глаза горели. — "Наталья, ты не можешь просто появиться у меня на пороге в та-

ком состоянии и ожидать, что я просто позволю тебе уйти, не узнав, что происходит."

— Я просто... мне нужно было увидеть тебя. Убедиться, что ты в порядке.

— Я в порядке. Это ты не в порядке.

Наталья отвернулась, её плечи дрогнули. Анастасия видела, как она пытается взять себя в руки, как её хрупкая фигура напрягается, стараясь выглядеть сильной. Но для Анастасии, которая знала её с рождения, это была лишь маска.

— Ты голодна? — наконец спросила Анастасия, решив сменить тактику. Прямое давление ничего не даст. Нужно было дать ей время, создать комфортную обстановку, чтобы она почувствовала себя в безопасности.

Наталья лишь неопределённо пожала плечами.

— Я приготовлю что-нибудь. Сядь. И расскажи мне, что ты делала сегодня. Может быть, это поможет тебе успокоиться.

Анастасия ушла на кухню, оставив Наталью одну в гостиной. Пока она раскладывала угли в очаге, чтобы подогреть ужин, её мозг лихорадочно работал. "Что могло так напугать её? Наталья, хоть и покорная, но всегда была уверена в себе, особенно на сцене. Она не из тех, кто пугается пустяков."

Через несколько минут на столе стояли горячий мясной пирог, который Анастасия испекла утром, свежий хлеб и кружка тёплого чая с мятой. Наталья, к удивлению Анастасии, даже не притронулась к еде. Она лишь сидела, медленно

потягивая чай, её взгляд был пустым, устремлённым в никуда.

— Наталья, ты должна поесть, — сказала Анастасия, накладывая ей кусок пирога на тарелку. — Тебе нужны силы.

— Я не могу, Анастасия. Комок в горле.

— Ты встретила с кем-то? — осторожно спросила Анастасия, пытаясь подтолкнуть её к разговору. — Что-то связанное с твоими выступлениями?

Наталья вздрогнула, её голубые глаза метнулись к сестре, и в них блеснул страх. Это был не обычный страх, а глубокий, почти животный ужас.

— Нет, — она отчётливо произнесла это слово, но голос её дрогнул. — Не с выступлениями. Это... это личное.

Анастасия вздохнула. Она знала, что Наталья не хочет делиться. Ей было больно видеть её такой, но она также знала, что заставить её не получится. Если Наталья что-то решила, её было не переубедить. Её упрямство было хоть и редким, но крепким, как стальной прут.

Они сидели в тишине. Только потрескивание огня в камине и тиканье старинных часов нарушали молчание. Анастасия чувствовала беспокойство, оно клубилось в воздухе, словно невидимый туман. Она чувствовала присутствие чего-то тёмного, чего-то угрожающего, нависшего над её сестрой. Её интуиция, которая никогда не подводила её в расследованиях, кричала об опасности. Но Наталья была неумолима. Она отгородилась стеной молчания, которую Анастасия

не могла пробить.

— Анастасия, — наконец сказала Наталья, её голос был уже твёрже, словно она приняла какое-то решение. — Мне нужно идти.

Анастасия резко подняла голову.

— Куда? Ты же только что пришла. Остайся у меня. У меня есть свободная комната.

— Нет, я не могу. Мне нужно... мне нужно кое-что уладить.

— В таком состоянии? Ночью? Наталья, это безумие!

— Я должна, — в голосе Натальи прозвучала странная нотка, то ли решимости, то ли отчаяния. — Это очень важно.

Она поднялась. Анастасия видела в её глазах смесь страха и странной, жертвенной готовности. Словно она шла навстречу своей судьбе, и эта судьба не сулила ничего хорошего.

— Наталья, пожалуйста, — Анастасия схватила её за руку. — Расскажи мне. Позволь мне помочь. Что бы это ни было, мы можем разобраться вместе.

Наталья посмотрела на её руку, затем на её лицо. В её глазах промелькнула нежность, но тут же сменилась решимостью.

— Прости меня, сестра, — она осторожно высвободила свою руку. — Я не могу. Это моя ноша. И я не хочу, чтобы она стала твоей. Ты... ты всегда была сильнее, Анастасия. И умнее. И я не хочу, чтобы ты пострадала из-за меня.

Её слова прозвучали как прощание. Анастасия почувствовала, как её сердце сжалось. Эти слова, эта мольба в её глазах, эта таинственность – всё это кричало об опасности. Но она, упрямая Анастасия, привыкшая полагаться на факты, а не на ощущения, отмахнулась от своих мыслей. "Наталья слишком драматична. Наверное, это какая-то любовная интрижка, или проблема в театре, которую она раздула до вселенского масштаба." В глубине души она не хотела верить, что её младшая сестра, столь хрупкая и нежная, могла оказаться в серьёзной опасности. Она привыкла быть той, кто оберегает, а не той, кого оберегают. Она привыкла быть детективом, а не объектом его расследования.

— Будь осторожна, Наталья, — только и смогла сказать Анастасия, её голос звучал глухо.

— Всегда, — Наталья улыбнулась ей. Это была та самая, ослепительная улыбка, которую она дарила публике на сцене. Но сейчас она была наполнена печалью. — Увидимся завтра.

И она поспешила к двери. Словно её что-то гнало. Словно она боялась передумать.

Анастасия осталась стоять посреди гостиной, глядя на закрывшуюся дверь. Её сердце продолжало сжиматься. Всё её естество, всё её присутствие, её внутренний голос, кричали о том, что сестра в опасности. Но она отмахнулась от этих мыслей, привычно рационализируя, успокаивая себя. "Наверное, она просто переживает из-за завтрашнего дня, из-

за своего дня рождения. Или из-за нового номера. Актеры всегда такие..." Ей было легче поверить в эти оправдания, чем признать тот иррациональный, подспудный страх, который пронзил её до самых костей. Она ещё не знала, что эта рационализация станет её самым горьким сожалением.

Наталья, едва выйдя за порог дома сестры, прижала руки к груди. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет. Она сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться, но в её сознании звучали слова, которые ей только что сказали. Слова, которые обязывали её идти навстречу неизвестности, навстречу опасности.

Она быстро накинула плащ, натянув капюшон так, чтобы скрыть лицо. Ночь уже полностью вступила в свои права. Улицы Лондона были погружены в туман, который, казалось, сгущался с каждым шагом, делая мир вокруг призрачным и нереальным. Фонари на столбах горели тусклым жёлтым светом, едва пробиваясь сквозь пелену, отбрасывая длинные, танцующие тени. Кареты уже не сновали так активно, только изредка слышался скрип колёс и цокот копыт где-то вдалеке.

Наталья шла по знакомым ей улицам, но они казались ей чужими, враждебными. Каждый шорох, каждое движение в тени заставляло её вздрагивать. Она ускорила шаг, её шёлковое платье шуршало под плащом, выдавая её присутствие. "Почему я согласилась на это? Почему я просто не могу рассказать Анастасии?" — эти мысли метались в её голову, но каждый раз она останавливала себя. "Нет. Анастасия

не должна знать. Это слишком опасно. Наша семья... наше прошлое...

Это слишком тяжело для неё. Я должна защитить её. Она столько пережила."

Её путь лежал к театру "Афина", небольшому, но престижному заведению в районе Вестминстера, где она была примадонной. Сегодня вечером театр был закрыт, его массивные деревянные двери были заперты, а окна наглухо закрыты ставнями. Он стоял тёмным, молчаливым великаном посреди туманного города, его архитектура, обычно величественная, сейчас казалась зловещей.

Наталья подошла к служебному входу, который обычно использовали актёры и работники сцены. Дверь, вопреки её ожиданиям, была не заперта. Она осторожно толкнула её, и та со скрипом отворилась, приглашая её в темноту. Внутри царила абсолютная тишина. Тяжёлый, пыльный запах старых кулис, грима и пота – обычный аромат театра – сегодня был особенно густым, почти осязаемым. Где-то вдалеке капала вода, монотонно отсчитывая секунды.

Наталья вошла, осторожно закрыв за собой дверь. Внутри было так темно, что она едва могла различить очертания знакомых коридоров. Лишь тонкие полоски лунного света проникали сквозь щели в ставнях, создавая причудливые узоры на полу. Она прошла через узкий проход, миновала несколько гримёрных комнат, где на столиках, заваленных театральным реквизитом, стояли брошенные зеркала, отражающие

лишь пустоту.

Её сердце билось в рёбрах, словно пытаясь вырваться наружу. Каждый её шаг отдавался эхом в мёртвой тишине. Она шла к сцене, туда, где всегда чувствовала себя живой, где её голос мог воспарить над публикой, унося её от всех тревог.

Когда она вышла на авансцену, огромный зрительный зал был погружён в глубокую тьму. Кресла, обычно занятые щеголями и дамами в бриллиантах, теперь казались рядами призрачных фигур, ожидающих представления. Лишь один узкий луч света, проникающий откуда-то сверху, падал на центр сцены, освещая небольшую площадку.

И там, в этом круге света, стоял он.

Его фигура была окутана тенью, так что Наталья не могла разглядеть его лица. Она видела лишь его силуэт, высокий и угрожающий. Он ждал её.

— Вы пришли, — произнёс он, его голос был низким и бархатистым, но в нём звучала стальная нотка, от которой у Натальи по спине пробежал холодок.

Наталья сделала шаг вперёд, выйдя в круг света. Её шёлковое платье цвета ночного неба заиграло серебряными искрами в лучах прожектора.

— Я пришла, — ответила она, пытаясь придать своему голосу твёрдость, но её дрожь не унималась. — Что вам нужно? И почему здесь?

— Здесь никто не услышит наших разговоров, — ответил он, медленно выходя из тени.

Когда он полностью оказался в свете, Наталья ахнула. Это был не тот человек, которого она ожидала. Не тот, кто, по её мнению, ждал её здесь. Его лицо было знакомым, слишком знакомым. Человек, которого она знала, которого она считала своим товарищем, своим... другом. Но сейчас его глаза горели холодным, расчётливым огнём, незнакомым ей. На его лице играла ухмылка, полная презрения и злорадства.

— Я думал, вы будете более... сговорчивы, — прозвучал его голос, и в нём теперь не было бархатистости, только холодная жестокость. — Но, похоже, придётся объяснить вам всё более... доходчиво.

Наталья почувствовала, как её ноги подкашиваются. В её голове пронеслось тысяча мыслей. Об Анастасии. О родителях. О том, что она должна была рассказать сестре.

— Что... что вы собираетесь сделать? — прошептала она, её голос был едва слышен.

— Устранить проблему, — ответил он, и в его руке блеснуло что-то острое и металлическое. — К сожалению, вы знаете слишком много, юная леди. А ваше молчание... оно мне больше не гарантировано. И ваше прошлое... оно слишком опасно.

Наталья попыталась отступить, но было уже слишком поздно. Он сделал шаг к ней, его движения были быстрыми и точными. В тот момент она увидела в его глазах не просто жажду власти или денег, а что-то глубоко укоренившееся, древнее, как само зло. Это был взгляд охотника на свою

жертву.

Её глаза расширились от ужаса, когда она поняла, что за ней охотились не просто за информацию, а за её существование, за кровь, которая текла в её жилах. Прошрое, которое она так тщательно скрывала от Анастасии, вдруг обрушилось на неё всей своей тяжестью.

Острый, холодный блеск. Краткий, пронзительный вдох. И темнота.

В это же время, в своём скромном доме, Анастасия закрыла последнюю прочитанную страницу газеты. Она поправила очки на переносице и поднялась, чтобы затушить керосиновую лампу. Её глаза на мгновение задержались на часах. Было уже за полночь. "Наталья, наверное, уже давно в своей постели," — подумала она, потирая виски. "Как бы там ни было, завтра ей исполнится семнадцать. А послезавтра у неё выступление. Я надеюсь, она ничего не натворила."

Лампа погасла, погрузив комнату в полумрак. Ночной воздух стал ещё холоднее. Анастасия прошла в свою спальню, где её ждала тёплая кровать. Она ещё раз подумала о своей сестре, о её странной настороженности, о её напуганных глазах. Неприятное чувство, будто что-то было не так, продолжало зудеть где-то на краю её сознания. Но усталость взяла своё. Она отмахнулась от мыслей.

"Всё будет в порядке," — прошептала она в темноту. — "Наталья справится. Она всегда справлялась."

Она не могла знать, что в тот самый момент её сестра,

её прекрасная, талантливая сестра, лежала мёртвой на холодных подмостках театра "Афина", и что их семейное прошлое, словно древний хищник, наконец-то настигло их. И что именно это событие станет катализатором, который превратит Анастасию из начинающего любителя-детектива в мастера своего дела, которому предстоит раскрыть не только убийство сестры, но и страшную правду о Зиновьевых.

Глава 2: Букет

Глубокий сон, который, наконец, обнял Анастасию после тревожного визита сестры, был обманчив. Он не принёс ни отдыха, ни забвения, а лишь затаил в себе предчувствие чего-то неотвратимого, давящего. Ранний утренний стук в дверь, резкий и настойчивый, словно удар молота по наковальне, разорвал ночную тишину Лондона и мгновенно вырвал её из забытья. Анастасия вздрогнула, её серые глаза широко распахнулись в темноте спальни. Стук повторился, ещё громче, на этот раз сопровождаемый мужским голосом, просящим открыть.

Анастасия, чьё сердце уже неприятно сжалось, быстро накинула на плечи шерстяной халат. Её босые ноги коснулись холодного деревянного пола. Чувство беспокойства, которое она вчера так упрямо отгоняла, теперь охватило её с новой силой, ледяным укусом пронзая до костей. Она подошла к двери, её рука дрожала, когда она потянулась к засову.

На пороге стояли двое мужчин в тёмных плащах и шляпах, их лица были суровы, а взгляды напряжены. За их спинами, в утреннем тумане, виднелась полицейская карета, а вокруг царил непривычный для этого часа суета.

— Мисс Зиновьева? — спросил один из них, его голос был низким и официальным. — Детектив-инспектор Мор-

тон, Скотленд-Ярд. У нас для вас... печальные известия.

Слова повисли в воздухе, словно чёрный занавес, падающий на сцену. Анастасия почувствовала, как её кровь заледенела в жилах. "Печальные известия". Это словосочетание, словно колокол, отбивало похоронный звон в её голове.

— Что случилось? — её голос был хриплым, еле слышным.

— Произошло... преступление, мисс. Касается вашей сестры, Натальи Зиновьевой.

Анастасия почувствовала, как земля уходит из-под ног. Нет. Нет, этого не может быть. Вчерашние предчувствия, её игнорируемые сомнения – всё это теперь набрасывалось на неё, словно стая голодных псов.

— Где она? — спросила она, пытаясь удержаться на ногах, её рука крепко вцепилась в дверной косяк.

— Мы просим вас проследовать с нами, мисс Зиновьева. Это... деликатное дело.

Анастасия безмолвно кивнула. Словно сомнамбула, она пошла в свою спальню, быстро оделась в тёмное дорожное платье, которое больше подходило для траура, чем для утренней прогулки, накинула свой старый, но надёжный плащ и, почти не замечая, как её руки дрожат, вышла за полицейскими.

Дорога до театра "Афина" показалась ей бесконечной. Утренний туман всё ещё окутывал город, но теперь он казался не просто природным явлением, а предвестником трагедии.

дии, скрывающим за своей пеленой нечто ужасное. Анастасия не задавала вопросов. Её ум, всегда острый и аналитический, сейчас был парализован, но в то же время он лихорадочно искал ответы, пытаясь понять, что произошло. Слова Натальи о "слишком опасном" деле, её напуганные глаза, её решимость уйти – всё это теперь вспыхивало в её памяти, как жуткие пророчества.

Когда карета остановилась у театра, Анастасия увидела, что вокруг здания уже собралась небольшая толпа зевак, их лица были бледны и любопытны. Полицейские в форме стояли у входа, отгоняя толпу, а тяжёлые деревянные двери театра были распахнуты, словно мёртвая пасть.

Инспектор Мортон повёл её внутрь. Воздух в театре был тяжёлым, пропитанным запахом затхлости, пыли и чего-то ещё – чего-то металлического и ужасного. Анастасия с первого шага почувствовала это. Запах крови.

Они прошли по знакомым Натальиным коридорам, мимо гримёрных, где обычно царил суеда и смех, а теперь стояла мёртвая тишина. Каждый шаг был болезненным, каждый вдох – агонией. Наконец, они вышли на сцену.

Картина, представшая перед глазами Анастасии, навсегда врезалась в её память. Огромный, пустой зрительный зал был погружён в сумрак, но сама сцена была освещена несколькими газовыми лампами, дающими тусклый, желтоватый свет. В центре сцены, в том самом месте, где обычно сияла её сестра, где она танцевала, пела и смеялась, теперь

лежало её бездыханное тело.

Наталья. Её волнистые каштановые волосы были размечены по полу, образуя тёмное ореол вокруг бледного лица. Глаза, эти когда-то сияющие голубые глаза, были приоткрыты и смотрели в никуда, отражая лишь пустоту. Её красивое шёлковое платье цвета полночного неба было помято и, что самое ужасное, испачкано тёмными, запекшимися пятнами крови, расплзшимися по серебряным нитям, словно на кровавом холсте. Руки, которые так грациозно двигались в танце, теперь были неестественно вывернуты, а на её тонкой шее виднелся глубокий, ужасающий порез.

Анастасия почувствовала, как внутри неё всё обрывается. В этот момент она испытала ту боль, которую не испытывала с того самого дня, когда ей сообщили о гибели родителей. Боль утраты, которая разрывала её на части, но, словно невидимый щит, не давала пролиться ни единой слезе. Её глаза горели, но это было пламя не только горя, но и ярости, и холодной, пронзительной решимости.

"Нет," — пронеслось в её голове. — "Я не буду плакать. Не сейчас. Сейчас мне нужно думать. Мне нужно действовать."

Инспектор Мортон, стоявший рядом с ней, произнёс:

— Мы полагаем, это убийство, мисс Зиновьева. Похоже, что она была... перерезана горло. Безжалостно. Мы нашли следы борьбы, но, по всей видимости, она не успела оказать серьёзного сопротивления.

Каждое слово инспектора было ударом по Анастасии, но

она лишь крепче стиснула зубы. Её взгляд был прикован к сестре, к её мёртвым, остекленевшим глазам. В них она видела не просто смерть, а невысказанный вопрос, невысказанное прощание, невысказанное предупреждение.

— Убийство, — повторила Анастасия, её голос звучал отстранённо, почти механически. — Но почему? У Натальи не было врагов. Она была добра ко всем. Она никогда ни с кем не ссорилась.

— Мы это выясним, мисс Зиновьева. Но пока что... нет никаких очевидных мотивов. Нет следов ограбления. Картина выглядит... странно.

Анастасия проигнорировала его слова. Её взгляд, словно рентген, пронизывал каждую деталь сцены. Пустые ряды кресел. Пыльные кулисы. Разбросанный реквизит. И её сестра, лежащая там, словно брошенная кукла.

"Враги?" — думала Анастасия. — "Кто мог желать Наталье зла? Она была звездой, да, но её слава была локальной, в небольших театрах. У неё не было могущественных соперников, или завистников, способных на такое. Долги? Наталья была экономна, у неё всегда водились деньги с её выступлений, и она не была склонна к азартным играм или расточительству."

Её взгляд скользнул по театральным декорациям, по тёмным углам сцены. Внезапно, словно удар молнии, её пронзила мысль.

"Родители. 18 октября. Тот же день, когда мы приехали в

Англию. Их убили. В тот же день, когда они бежали из Руси. Наталья... она сказала, что это опасно. Что это личное. Что это связано с нашим прошлым."

Холодный пот выступил на лбу Анастасии. Заговор. Семейный заговор. Это было единственное логическое объяснение. Это был не случайный акт насилия, не ограбление, не месть обиженного поклонника. Это было что-то глубоко укоренившееся, что-то, что тянулось из их прошлого, из их русской жизни, из-за чего их семья бежала. Убийство родителей восемнадцать лет назад, и теперь убийство Натальи, в тот же, почти символический день... Это не могло быть совпадением.

Анастасия чувствовала, как её детективный инстинкт, который до сих пор спал под покровом личного горя, просыпается и берёт верх. Её ум начал работать с лихорадочной скоростью, анализируя, связывая факты, строя гипотезы.

Она медленно опустилась на колени рядом с телом сестры. Инспектор Мортон, кажется, хотел что-то сказать, но Анастасия подняла руку, не давая ему прервать её. Её пальцы, всегда точные и деликатные, скользнули по лицу Натальи. Холод. Смертельный холод. Она нежно поправила прядь каштановых волос, закрывавшую её глаза, и в этот момент её взгляд упал на что-то, прикрытое волосами у основания шеи. Маленькая, почти незаметная, но идеально круглая царапина, словно от тонкой иглы. Слишком аккуратная для обычной борьбы. Словно метка.

Она встала. Её серые глаза, полные новой, стальной решимости, оглядели сцену с профессиональной дотошностью. Она не просто видела мёртвую сестру; она видела место преступления, каждую деталь, каждый потенциальный намёк. Её взгляд скользнул по полу, пытаясь найти хоть что-то, что могло бы выдать убийцу. Но сцена была вычищена до блеска, словно специально. Только пыль, театральная пыль, и...

В углу, где валялись старые декорации и обрывки тканей, её взгляд зацепился за что-то. Маленькая, тонкая цепочка, почти невидимая в полумраке. Она нагнулась, подняла её. Это была цепочка от карманных часов, сделанная из тёмного металла, почти чёрного, с замысловатым узором, который Анастасия раньше никогда не видела. Она была явно не Натальина, слишком грубая для её нежных украшений. И слишком необычная.

— Инспектор, — сказала Анастасия, поворачиваясь к Мортону. — Эта сцена... она кажется слишком чистой, не так ли?

Инспектор нахмурился.

— Что вы имеете в виду, мисс Зиновьева? Мы уже произвели осмотр.

— Здесь нет ничего. Ни отпечатков, ни следов. Кроме... — она протянула ему цепочку. — Кроме этого.

Мортон взял цепочку, его брови поползли вверх.

— Интересно. Что ж, мы добавим это к уликам.

Пока инспектор отвлёкся на цепочку, Анастасия, движи-

мая внезапным порывом, быстро прошмыгнула в кулисы, в тени, где её почти не было видно. Она знала, что у неё есть всего несколько секунд. Её цель – гримёрная Натальи. Это было последнее место, где её сестра могла оставить какой-то намёк, какой-то след.

Она проскользнула по узкому коридору, её сердце колотилось в груди. Запах грима, пудры, старого дерева – всё это было так знакомо, так близко, так наполнено воспоминаниями о живой Наталье. Она толкнула дверь гримёрной сестры. Комната была небольшой, но уютной, заваленной театральным реквизитом, косметикой, веерами, париками. Зеркало на столике было разбито в одном месте, словно кто-то ударил по нему.

Анастасия быстро осмотрела комнату. Её взгляд скользнул по столику, где лежали кисти, баночки с гримом, нотная тетрадь Натальи. Она открыла её. Среди нот, заложенных между страницами, лежал сложенный вчетверо лист бумаги. Почерк был аккуратным, но не Натальиным.

Анастасия развернула его. Это был стих. “В тени забытых лет, где пепел снов хранит, Таится истина, что время не простит. Кровь предков призовет, раскроет тайны мрак, И старый, чёрный знак укажет верный шаг. Небесный свод молчит, но звёзды шепчут вновь, О мести праведной, о проклятой любви.

И в час, когда луна окрасит мир в багрец,
Судьба возьмёт своё, оплавится свинец.”

Анастасия почувствовала, как по её спине пробегает холодок. Слова были зловещими, полными намёков на прошлое, на тайны, на месть. "Кровь предков призовет, раскроет тайны мрак..." Это подтверждало её догадки. Заговор, связанный с их семьёй.

Она быстро спрятала стих в карман своего плаща. Затем её взгляд упал на столик. Среди обычных, дешёвых театральных принадлежностей, которыми пользовалась Наталья, выделялся один предмет. Тонкий, элегантный футляр из слоновой кости, украшенный золотой инкрустацией. Внутри лежала помада. Глубокого, вишнёвого оттенка, явно французского производства. Такая помада стоила целое состояние. Наталья, при всей своей любви к красивым вещам, никогда не позволила бы себе такую роскошь. Она была практичной.

"Кто подарил ей это?" — подумала Анастасия. "Поклонник? Или кто-то, кто хотел расположить её к себе? Кто-то с большими деньгами." Это было ещё одно звено в цепи. Убийца мог быть тем, кто дарил ей дорогие подарки, кто входил в её доверие.

Внезапно раздался голос инспектора Мортон:

— Мисс Зиновьева! Вы куда пропали?

Анастасия быстро бросила взгляд на зеркало. Разбитое стекло. Что могло его разбить? Ярость? Борьба? Она почувствовала лёгкий укол на пальце. Осколок стекла. Осторожно вытащила его, завернула в носовой платок. Может быть, на нём были следы.

Она вышла из гримёрной, стараясь выглядеть как можно более невозмутимо.

— Прошу прощения, инспектор. Я... мне просто стало дурно. Хотела подышать свежим воздухом.

Мортон кивнул, его взгляд был всё ещё подозрительным, но он, кажется, удовлетворился её ответом.

— Мы закончили здесь, мисс Зиновьева. Тело будет доставлено к коронеру. Вы можете идти домой. Или... к сестре?

Анастасия покачала головой. Домой она пока не хотела. Её путь лежал в другое место. В квартиру Натальи.

Она вышла из театра, минуя толпу зевак, их любопытные взгляды были для неё невыносимы. Лондонский туман всё ещё висел в воздухе, но солнце уже начинало пробиваться сквозь пелену, окрашивая небо в бледно-серые оттенки. Анастасия шла быстро, её мысли были запутаны, но в то же время невероятно сосредоточены. Стих. Помада. Цепочка. Круглая царапина. Всё это было частями огромного, запутанного пазла.

Она уже почти достигла квартала, где располагалась небольшая, но уютная квартирка Натальи, когда на одной из узких улочек она заметила знакомую фигуру. Высокий, элегантный мужчина, одетый в дорогой синий сюртук и идеально подогнанные брюки. Его тёмные, волнистые волосы были безупречно уложены, а острые черты лица, хотя и были сейчас омрачены тревогой, сохраняли своё благородство. Это

был Бенджамин "Бен" Эверетт, её давний друг и, порой, соратник в расследованиях.

Бен, сын знатного лорда и видный представитель лондонского общества, был человеком необычайно умным и проницательным. Несмотря на своё положение, он всегда интересовался науками, литературой и, к удивлению своей семьи, проявлял живой интерес к работе Анастасии. Он часто помогал ей советами, связями и даже собственными наблюдениями, получая от этого своеобразное удовольствие.

Его глаза, глубокие, тёмно-карие, встретились с глазами Анастасии. Он, должно быть, тоже уже слышал новости. Его лицо побледнело, а в глазах читалась искренняя скорбь.

— Анастасия, — произнёс он, его голос был низким и дрожащим. Он сделал шаг к ней, его рука осторожно коснулась её плеча. — Я... я только что слышал. О Наталье. Мои глубочайшие соболезнования. Я не могу поверить.

Анастасия почувствовала, как её губы дрожат, но она не позволила себе расслабиться. Она лишь крепче сжала цепочку от часов в кармане.

— Спасибо, Бен, — ответила она, её голос был глухим. — Я... я тоже не могу.

Бен сжал её плечо.

— Ты в порядке? Ты выглядишь... бледной.

— Я не буду в порядке, пока не узнаю, кто это сделал, Бен.

И почему.

В его глазах мелькнуло понимание. Он знал её достаточно

хорошо, чтобы понять, что её горе проявлялось не в слезах, а в этой холодной, сосредоточенной решимости.

— Ты думаешь... это не просто несчастный случай?

— Ничего в нашей семье никогда не было просто несчастным случаем, Бен.

Его глаза расширились. Он знал о трагедии её родителей, о бегстве из России, но Анастасия никогда не делилась с ним деталями, лишь общими сведениями.

— Я понимаю, — тихо сказал он. — И я готов помочь, Анастасия. Чем угодно. Я знаю, куда ты направляешься. Позволь мне пойти с тобой. Две пары глаз лучше, чем одна.

Анастасия кивнула. Она знала, что Бену можно доверять. И его острый ум, его связи в высшем свете, могли оказаться неоценимыми.

Они вместе направились к небольшому дому, где Наталья снимала квартиру. Это было двухэтажное строение из красного кирпича, с маленьким палисадником, огороженным низеньким деревянным забором. Цветов в палисаднике уже не было, только сухая трава и редкие кустики.

Анастасия достала из своей сумочки ключ, который Наталья всегда оставляла ей на всякий случай. Дверь со скрипом отворилась, впуская их в прихожую.

Квартира Натальи была небольшой, но очень уютной и по-театральному яркой. Стены были оклеены обоями с цветочным узором, а мебель, хотя и простая, была расставлена с изяществом. Повсюду лежали ноты, разбросанные веера,

тонкие перчатки, сценические аксессуары. Всё это говорило о жизни, полной музыки, танцев и света. Теперь эта жизнь была погашена.

Как только они вошли в гостиную, взгляд Анастасии упал на подоконник. Там, в небольшой глиняной вазочке, стоял букет. Не пышный, не торжественный, а небольшой, но очень значимый. В нём были собраны нежные, небесно-голубые незабудки и несколько изящных фиолетовых гиацинтов.

Сердце Анастасии пронзила острая боль, но одновременно с этим и вспышка понимания.

— Незабудки... и гиацинты, — прошептала она.

Бен, не понимая, нахмурился:

— Красивый букет. Но что с ним не так?

— Это не просто букет, Бен, — ответила Анастасия, её голос был напряжён. — Это послание.

Она подошла к букету, её пальцы нежно коснулись лепестков.

— Незабудки... "Не забывай меня", "Воспоминания". А гиацинты... "Глубокая печаль", "Горе", "Трагическое прошлое".

Бен внимательно смотрел на неё, его глаза расширились.

— Ты... ты знаешь язык цветов?

— Наталья и я... мы придумали свой собственный шифр, когда были детьми, в пансионе, — объяснила Анастасия, её голос звучал отстранённо, словно она рассказывала чужую

историю. — Когда мы не могли говорить открыто, мы общались через цветы. Это послание... это крик о помощи. И подтверждение того, что трагедия связана с нашим прошлым. Она хотела мне что-то сказать. Она пыталась меня предупредить.

Горечь и чувство вины захлестнули Анастасию. Она не прислушалась. Она отмахнулась от её страха. И теперь было слишком поздно.

Она осторожно сняла букет с подоконника, его хрупкие стебли дрожали в её руке.

— Она оставила его для меня, — прошептала Анастасия.
— Это был её способ.

Они начали обыскивать квартиру. Каждый предмет, каждая мелочь, казались теперь полными скрытого смысла. Бен методично осматривал книжные полки, комоды, а Анастасия, с её острым взглядом детектива, искала то, что могло быть пропущено.

На туалетном столике, среди флаконов с дешёвой туалетной водой и коробочек с пудрой, Анастасия нашла ещё один предмет, который бросился ей в глаза.

Тонкий, элегантный флакон из тёмного стекла, с золотой гравировкой.

Французские духи. Название, выгравированное на флаконе, было "Ночной Цветок". Запах был тяжёлым, дурманящим, дорогим.

— Ещё один подарок, — пробормотала Анастасия, держа

флакон в руке. — Тоже слишком дорогой для неё. Кто-то очень старался произвести на неё впечатление.

Или... кто-то, кто хотел купить её молчание.

Бен подошёл к ней.

— Кто-то из театра? Может быть, богатый поклонник?

— Возможно. Но такой подарок... он подразумевает гораздо больше, чем просто поклон.

Их глаза снова встретились. В них читалась одна и та же мысль: у Натальи появился кто-то, кто был намного выше её по статусу, кто мог позволить себе такую роскошь. И этот кто-то теперь связан с её смертью.

Бен тем временем обнаружил что-то на небольшой полочке рядом с кроватью. Ещё один сложенный лист бумаги.

— Анастасия, посмотри сюда.

Анастасия взяла лист. Почерк был тот же самый. Второй стих.

“Как тень скользнёт за грань, не зная берегов,

Так ложь плетёт свой путь, из тысячи оков.

И старый дом молчит, храня свои грехи,

В его стенах живут забытые стихи.

Но кровь не обмануть, она заговорит,

И старая печать, что сердце бередит,

Раскроется для тех, кто ищет свет во мгле,

Чтоб правда вознеслась на огненном крыле.”

Анастасия почувствовала, как по её телу пробежал холодок. "Старый дом молчит, храня свои грехи". "Старая пе-

чать". Это было слишком конкретно. Это были прямые намёки на их прошлое, на тайну, скрытую в их роду. Наталья пыталась не только предупредить, но и направить её.

Она спрятала стих в карман, рядом с первым. Затем её взгляд, уже настроенный на мельчайшие детали, скользнул по маленькому столику в углу комнаты. Там стоял чайник и две кружки.

— Бен, — сказала она, указывая на стол. — Посмотри.

Бен подошёл.

— Что? Обычные кружки.

— Они грязные. И их две. Наталья вчера пила чай с кем-то. И не просто пила. Судя по налёту, они пили его некоторое время назад. До того, как она пришла ко мне.

— Ты думаешь, это был тот же человек, что дарил ей эти подарки? — спросил Бен.

— Скорее всего, — Анастасия кивнула. — Тот, кто был достаточно близок, чтобы пить с ней чай в её доме. Тот, кто, возможно, пытался её успокоить. Или... усыпить её бдительность.

Они продолжили осмотр, но больше ничего существенного не нашли. Каждая новая деталь, каждый найденный предмет, лишь подтверждал зловещую теорию Анастасии. Убийство Натальи было не случайным. Оно было спланированным, жестоким, и напрямую связанным с их прошлым, с тайной, которая преследовала их семью на протяжении двух десятилетий.

Анастасия собрала все свои находки: цепочку от часов, осколок зеркала, два стиха, описание помады и духов. Она чувствовала, как на её плечи ложится огромный груз ответственности. Но в этом грузе была и ясность.

— Мне нужно идти, Бен, — сказала она, поворачиваясь к нему. — Мне нужно всё это систематизировать. Подумать.

— Я понимаю, — Бен кивнул, его лицо было серьёзным. — Ты сообщишь мне, если что-то найдёшь. Или если тебе понадобится помощь.

— Конечно, — ответила Анастасия. — Спасибо, Бен. За всё.

— Она была твоей сестрой, Анастасия. И моим другом.

Анастасия покинула квартиру Натальи, оставив за собой лишь ощущение пустоты и предчувствие того, что её жизнь изменилась навсегда. На улице туман уже рассеялся, и солнце ярко светило над Лондоном, но для неё мир стал серым.

Она направилась домой, её шаги были быстрыми и решительными. Каждая деталь, каждый намёк, всплывавший в её памяти, теперь складывался в единую, пугающую картину. Убийство родителей. Стих, говорящий о "крови предков". Букет, кричащий о "трагическом прошлом". Два стихотворения от одного и того же неизвестного. Дорогие подарки. Чай с неким важным человеком. И круглая метка на шее Натальи.

Когда Анастасия вошла в свой скромный дом, она почувствовала, как её привычный мир рушится, уступая место со-

вершенно новой реальности. Она была детективом, привыкшим к чужим тайнам, но теперь тайна коснулась её собственной семьи, её собственной жизни.

Она села за свой письменный стол, разложила перед собой все найденные улики, все свои записи. Её серые глаза горели. Теперь ей предстояло не просто раскрыть убийство сестры, но и погрузиться в пучины забытого прошлого Зиновьевых. Прошлого, которое, казалось, теперь тянулось из Руси в Лондон, чтобы заявить о себе. Прошлого, которое, видимо, стоило её родителям жизни, а теперь забрало и Наталью. И Анастасия Зиновьева, детектив, не успокоится, пока не узнает всю правду.

Глава 3: “Он”

Лондонская ночь окутала скромный дом Анастасии Зиновьевой своим плотным, холодным покрывалом. За окном, задрапированным тяжёлыми бархатными шторами, слышался лишь приглушённый шум дальних карет и редкий скрип уличных фонарей, раскачивающихся на ветру. Внутри, в небольшой, но уютной гостиной, служившей Анастасии кабинетом, горела единственная керосиновая лампа, отбрасывая на стены мерцающие тени, которые плясали в такт её тревожным мыслям. Воздух был тяжёлым, пропитанным запахами старых книг, застывшего воска и горечи свежей чернильницы.

Анастасия сидела за своим письменным столом, на котором беспорядочно были разложены её скромные «улики». Её кудрявые светлые волосы, цвета пшеницы, были растрёпаны, несколько прядей упали на высокий лоб, а серые глаза, обычно пылающие острым интеллектом, сейчас были затуманены усталостью и глубокой скорбью. Однако, несмотря на горе, в её взгляде читалась стальная, непоколебимая решимость. Утрата Натальи была слишком свежей, слишком болезненной, чтобы дать себе расслабиться в объятиях отчаяния. Нет, сейчас не время для слёз. Сейчас время для поиска ответов.

Перед ней на столе лежали: тонкая цепочка из тёмного

металла, найденная на сцене; два листа бумаги с зловещими стихами; тщательно сделанная ею зарисовка элегантного футляра с французской помадой; набросок изящного флакона духов “Ночной цветок”; маленький носовой платок, бережно завернутый вокруг крошечного осколка зеркала из гримёрной; и, самое главное, её собственные, спешно написанные заметки о круглой метке на шее Натальи, о грязных кружках в её квартире, о языке цветов. Все эти разрозненные детали, словно осколки разбитого зеркала, лежали перед ней, ожидая, пока она соберёт их в единую, страшную картину.

Анастасия встала, её шаги были неслышны. Она подошла к большой пробковой доске, которую когда-то привезла из Парижа и которая служила ей для организации расследований. С помощью маленьких стальных булавок она методично стала прикреплять к ней свои записки.

"МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: Театр 'Афина', сцена. Отсутствие следов борьбы, кроме минимальных. Идеальная чистота."

"ОРУДИЕ УБИЙСТВА: Перерезано горло. Аккуратный, точный разрез. Иглацарапина на шее - метка?" **"УЛИКИ:**

Цепочка: Тёмный металл, незнакомый узор. Не Натальино. Принадлежала убийце?

Стихи (2): Таинственный автор. Почерк не Натальи. Намеки на 'старый дом', 'кровь предков', 'старую печать'.

Помада (французская): Дорогая. Подарок.

Духи “Ночной цветок”: Дорогие. Подарок.

Букет цветов: Незабудки + Гиацинты = 'Не забывай меня' + 'Трагическое прошлое'. Послание мне.

Кружки: Две, грязные. Кто-то пил чай с Натальей до её визита ко мне. **Зеркало:** Разбито в примерной. Следы борьбы? Или злости?"

Она сделала шаг назад, оглядывая свою импровизированную карту преступления. Булавки мерцали в тусклом свете лампы, словно маленькие звезды в бесконечной, тёмной вселенной её горя.

"Так мало," — прошептала она в пустоту. — "Так мало зацепок. И так много вопросов."

Её взгляд снова упал на стихи. Она взяла первый листок, который нашла в нотной тетради Натальи, и прочитала вслух, медленно, пытаясь уловить каждый оттенок смысла:

“В тени забытых лет, где пепел снов хранит, Таится истина, что время не простит. Кровь предков призовет, раскроет тайны мрак, И старый, чёрный знак укажет верный шаг. Небесный свод молчит, но звёзды шепчут вновь, О мести праведной, о проклятой любви.

И в час, когда луна окрасит мир в багрец,

Судьба возьмёт своё, оплавится свинец.”

Анастасия провела пальцем по строкам. "Кровь предков". "Старый, чёрный знак". Это не было обычной лирикой. Это было зашифрованное послание. Наталья пыталась сообщить ей, что убийство связано не с её личной жизнью, а с их общим, тёмным прошлым. С тайной, которая преследовала Зи-

новьевых со времён их бегства из России, с той самой трагедии, которая лишила их родителей.

Она взяла второй стих:

“Как тень скользнёт за грань, не зная берегов, Так ложь плетёт свой путь, из тысячи оков.

И старый дом молчит, храня свои грехи, В его стенах живут забытые стихи.

*Но кровь не обмануть, она заговорит,

И старая печать, что сердце бередит,

Раскроется для тех, кто ищет свет во мгле,

Чтоб правда вознеслась на огненном крыле.”

"Старый дом молчит, храня свои грехи." "Старая печать".

Это было ещё более конкретно. "Старый дом" мог быть их родовым имением в России, о котором Анастасия почти ничего не помнила. "Старая печать" – это нечто, что запечатывало тайну. Или клеймо. Или символ.

Её голова раскалывалась. Столько намёков, но ни одной конкретной нити. К кому обратиться? На кого падает подозрение? Наталья была так загадочна в последнее время, так замкнута. Она не делилась своими переживаниями, своей новой, богатой жизнью, о которой Анастасия узнала только сейчас.

"Мэй," — внезапно пронзила её мысль. — "Мэй должна знать. Она была ближайшей подругой Натальи в театре. Если кто-то приходил к Наталье, если кто-то дарил ей подарки, Мэй могла это видеть."

Это была единственная логическая зацепка. Единственная нить, которую можно было вытянуть из клубка.

Усталость накатила на неё тяжёлой волной. Глаза жгло. Мышцы болели от напряжения. Анастасия решила, что дальнейшие размышления сейчас бесполезны. Её разум был перегружен. Она погасила лампу, и комната погрузилась в полную темноту. На ощупь добралась до кровати. Сон был беспокойным, полным обрывков образов: мёртвая Наталья на сцене, зловещие стихи, неясные силуэты. Она жаждала утра, жаждала момента, когда сможет вновь начать действовать.

Утро принесло не долгожданное облегчение. Промозглый туман, характерный для Лондона, начал рассеиваться, открывая взору бледное, но настойчивое солнце. На мощёных улицах уже слышались привычные звуки: скрип телег, цокот копыт, далёкие крики разносчиков газет.

Когда Анастасия вышла из дома, её внешний вид был безупречен, несмотря на бессонную ночь. Тёмное шерстяное платье, строгий плащ и перчатки скрывали её внутреннюю боль и усталость. Её лицо было бледным, но выражение на нём было непроницаемым, как у опытного игрока в шахматы.

У её двери, как и ожидалось, стоял Бенджамин Эверетт. Его высокий, стройный силуэт выделялся на фоне утреннего света. Он был одет в тёмный, безукоризненно сшитый сюртук, его волнистые тёмно-каштановые волосы, цвета полиро-

ванного ореха, были аккуратно уложены. Острые черты лица Бена, его правильный нос и высокие скулы, придавали ему благородный вид, но его глубокие карие глаза были полны сочувствия, когда он увидел Анастасию.

— Доброе утро, Анастасия, — произнёс он, его голос был низким и тёплым. — Как вы себя чувствуете?

— Насколько это возможно, Бен, — ответила она, её голос был ровным, без единой дрожи. — Вы пришли вовремя.

— Я не мог оставить вас в такой момент. Я же обещал помочь.

Анастасия кивнула. Её отношения с Беном были построены на взаимном уважении и доверии. Он был одним из немногих, кто не смотрел на неё как на "эксцентричную даму", а видел в ней пронизательного детектива.

Они вместе направились к театру. Улицы оживали, но в их разговоре царила почти полная тишина. Лишь изредка Бен бросал на Анастасию обеспокоенные взгляды. Он чувствовал её внутреннее напряжение, её невидимую борьбу с горем, но уважал её потребность в молчании.

Театр "Афина" теперь был оцеплен. Полицейские, хоть и менее многочисленные, чем вчера, всё ещё дежурили у входа. Анастасия показала им свои документы и, указав на Бена как на своего сопровождающего, прошла внутрь. Запах крови, хотя и выветрившийся, всё ещё чувствовался, смешиваясь с запахом дезинфицирующих средств, которыми пытались отмыть сцену.

Они прошли прямо к гримёрным. Мэй, молодая девушка, смуглая, с большими карими глазами и копной чёрных волос, сидела на низеньком пуфике в одной из гримёрных, тихо всхлипывая. Она была младше Натальи на пару лет, но была её самой близкой подругой в труппе. Её хрупкие плечи дрожали, а на столике перед ней лежали комки мокрого платка.

— Мэй, — тихо позвала Анастасия.

Девушка вздрогнула и подняла заплаканное лицо. Увидев Анастасию, она издала приглушённый стон и бросилась ей в объятия, рыдая.

— О, мисс Зиновьева! Я... я не могу поверить! Наталья... она была такой... такой чудесной!

Анастасия крепко обняла её, поглаживая по голове. Это был единственный момент за всё это время, когда она позволила себе проявить эмоции, утешая кого-то другого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.